

Чжун Цинжань молчал. Торговлей могли заниматься все, и деревня Хэвань не принадлежала семье Чжун. Выгнать кого-то с рынка — это одно, но преследовать и бить, не унимаясь — это уже перебор. Такое поведение превращало даже правду в неправду. Тем более жена Хуншаня тоже принадлежала к клану Чжун. Как бы ни были напряжены отношения внутри клана, внешне нужно было поддерживать гармонию. Как говорится, где можно простить, там стоит простить. Поступок жены Хуншаня вызывал лишь моральное осуждение, но если разобраться, её действия не были слишком уж предосудительными.

Госпоже Мин наконец удалось успокоиться, и её переполняла радость от победы в споре. В этот момент раскрыть правду было равносильно тому, чтобы подлить масла в огонь. Чжун Цинжань, конечно, не хотел видеть такую сцену. Увидев, что конфликт утих, он понял, что его присутствие больше не нужно, и тихо увёл за собой трёх своих маленьких спутников.

Как и следовало ожидать, когда в обед семья собралась за столом, госпожа Мин узнала от своих детей о произошедшем. Это вывело её из себя. Она видела бесстыдных людей, но таких, которые совсем не знают, что такое стыд, ещё не встречала. Их наглость оказалась толще городской стены.

Госпожа Тун обсудила ситуацию с дедушкой Чжуном и, нахмурившись, произнесла:

— На этом всё и закончится. Мы все из клана Чжун. В лучшем случае старейшины сделают жене Хуншаня замечание, но это не причинит ей особого вреда. Она продолжит продавать свои товары, и, судя по её примеру, к вечеру, вероятно, появятся подражатели. Не стоит тратить силы на злость из-за этого.

Чжун Цинжаню было не по душе. В современном мире для этой проблемы тоже не нашлось бы хорошего решения, разве что использовать власть, чтобы заставить другого не поступать так. В деревне Хэвань приходилось учитывать родственные связи, и потому ситуация оставалась неопределённой.

Обед в семье Чжун прошёл без особого аппетита. Улитки были лишь новинкой, которая привлекала внимание, но уже вызывала зависть. Красные раки приносили ещё больше прибыли, и если бы жители деревни узнали, что они не могут приготовить их так же вкусно, старейшины, несомненно, использовали бы моральный авторитет, чтобы заставить семью Чжун раскрыть секрет.

К счастью, дедушка Чжун уже продал рецепт ресторану «Хунтай», и это могло служить аргументом перед кланом. В противном случае последствия были бы непредсказуемы. Чжун Цинжань искренне надеялся, что его дядя сдаст экзамены на высший уровень в следующем году.

После сегодняшнего происшествия Чжун Цинжань сильно изменил своё отношение. Его семья и так не имела большого веса в клане, и если бы они ещё и ссорились между собой, то не стоило удивляться, что другие позволяют себе обижать их. Если бы старшая ветвь главной линии семьи занималась торговлей на улице, кто бы осмелился им перечить? Жена Хуншаня поступила так, потому что не боялась обидеть их семью.

Чжун Цинжань снова взялся за книги, но, глядя на вертикальные строки сложных иероглифов, он почувствовал, как у него начинает болеть голова. Ну что ж, он не был создан для этого и не собирался тратить силы на борьбу с экзаменами. В семье Чжун было много детей, и если всех их обучать, неужели каждый из них окажется глупцом?

Чтобы все мальчики подходящего возраста из семьи Чжун могли посещать домашнюю школу,

требовалось немало серебра. Серебра, ему нужно было больше серебра. Каждый день промедления означал, что дети теряли время.

Чжун Цинжань ходил по комнате, его мысли метались, как грозовые тучи. Одна за другой идеи возникали и отвергались, пока он не остановился на том, что умел лучше всего — иллюстрациях, а также на знаниях о китайской медицине, которые ему навязал дедушка. Точнее, на знаниях о лекарственных травах. Он умел их распознавать и обрабатывать, но что касается их выращивания, он знал лишь несколько видов, остальные оставались для него теорией, которую он ещё не применял на практике.

Чжун Цинжань знал, как выращивать красных раков, но это было исключение. Такие удачи случались редко, и нельзя было рассчитывать только на них.

Сбор лекарственных трав нельзя было ускорять. Прежний хозяин тела не изучал эту область, и он не мог внезапно стать экспертом. Ему нужно было найти книгу вроде «Бэньцао ганму», чтобы разобраться.

С рисованием можно было сослаться на природный талант. Ведь за месяцы болезни, когда ему было скучно, он часто рисовал, и семья знала, что у него это получается неплохо, и не сомневалась в этом. Заработок можно было начать с этого.

Однако продавать картины сейчас было нельзя. Чжун Цинжань не владел искусством традиционной китайской живописи, и даже сейчас, когда он брался за кисть, чувствовал себя неуверенно. Кроме того, у него не было имени, и его работы не могли быть оценены по достоинству.

Может, стоит нарисовать простые фигурки животных, изобразив их милыми, чтобы родители и родственники могли сплести их из лозы или сделать мягкими игрушками? Обдумав этот план, Чжун Цинжань решил, что он может сработать, и сразу приступил к делу. Когда всё было готово, он обнаружил, что у него есть только угольный карандаш, а красок и вовсе нет.

К этому времени его интерес к рисованию уже разгорелся, и в голове мелькали привлекательные образы животных. Было жаль бросать это дело из-за отсутствия красок. Взяв угольный карандаш, он быстро погрузился в удивительный мир рисования.

Весь день Чжун Цинжань провёл за рисованием, и когда он наконец оторвался от работы, уже наступил вечер. Он заметил, что на улице шумно, а госпожа Тун и госпожа Мин время от времени возмущённо выкрикивали что-то.

Не зная, что происходит, Чжун Цинжань, не взглянув на готовые рисунки, сразу вышел из комнаты.

Спросив у Чжун Цин, он выяснил, что дедушку Чжуна только что вызвали старейшины клана. Судя по возмущённому виду семьи Чжун, можно было догадаться, что результат был не из лучших. Так и оказалось.

Дедушка Чжун был одним из старейшин, но обладал наименьшим влиянием. Это было сделано из уважения к малой пятой ветви, так как их линия была многочисленной, и не дать им места было бы несправедливо. Дедушка Чжун, как представитель главной линии малой пятой ветви, естественно, был выбран.

Услышав о методе, который старейшины использовали для давления на семью Чжун, Чжун Цинжань тоже ахнул. Этот шаг был подобен вытаскиванию дров из-под котла. В чём же дело?

Старейшины хотели, чтобы дедушка Чжун раскрыл секрет приготовления вкусных красных раков, а клан компенсировал бы их семье некоторые убытки. Однако рецепт уже был продан, и они придумали компромисс: семья Чжун должна была покупать красных раков у членов клана по цене три медные монеты за цзинь.

Дедушка Чжун, конечно, яростно сопротивлялся, но его голос был слаб, а малая пятая ветвь не могла ничего противопоставить. Когда он продолжал настаивать, глава клана, видя, что дедушка Чжун готов стоять на своём, легко подавил его одной фразой.

— Ты не согласен? Тогда жди, пока не останется красных раков для продажи!

Это была угроза, откровенная угроза!

Мозг дедушки Чжуна работал быстро. Он понимал, что это действительно могло произойти. Если бы каждая семья отправила несколько человек ловить красных раков, через несколько дней они исчезли бы в окрестностях деревни Хэвань. Глава клана уже высказался, и ему оставалось только согласиться. Противостояние семьи и всего клана не сулило ничего хорошего.

Можно было подумать, что такие действия старейшин приведут к потере поддержки, но они не боялись этого. Люди, покидающие родные места, теряют свои права, и никто не уйдёт без крайней необходимости. Кроме того, старейшины не гнались за небольшой прибылью, у них были свои планы.

Если бы семья дедушки Чжуна преуспела, это подняло бы статус малой пятой ветви, и баланс сил в клане Чжун был бы нарушен. Никто не хотел терять свою власть. Видя, что семья дедушки Чжуна, которую долго подавляли, начала подниматься, несколько завистливых семей обратились к старейшинам, чтобы немного ослабить их. Это был хитрый расчёт.

Не стоит недооценивать силу клана. В эпоху Великой Чжоу действовал принцип «народ не жалуется — чиновники не вмешиваются». Люди с небольшим количеством родственников, без власти и влияния, часто теряли свои земли и имущество в пользу клана. Конечно, если клан не был слишком близоруким, такое происходило не слишком часто.

В этом отношении быть обиженным своими же было хуже, чем чужими. Если тебя обижали чужие, можно было обратиться за помощью к клану, но если обижали свои, то защиты не было.

Ситуация семьи Чжун была ещё сложнее. В другом случае дедушка Чжун, возможно, стоял бы на своём до конца, ведь даже внутри малой пятой ветви, хоть и царил хаос, они были сплочены перед другими ветвями. Однако предложение главы клана о красных раках затронуло интересы и малой пятой ветви, и дедушка Чжун мог представить, что его слова как главы этой ветви не найдут поддержки у многих семей.

Старейшины других ветвей не заботились о мелких прибылях, но в малой пятой ветви было много семей, живших ниже среднего уровня. Для них лишняя монета была важна, не говоря уже о возможности легко заработать несколько десятков или даже сотен монет.